

A romantic autumn scene. In the foreground, a young man and woman are seated at a wooden table, looking at each other. The table is set with a glass of beer, a cup of coffee, and some food. The background features a large waterfall cascading down a rocky cliff, with a large, multi-story building perched on the cliffside. The scene is framed by trees with vibrant orange and red autumn leaves. The sky is filled with soft, white clouds, and many leaves are falling through the air. The overall atmosphere is serene and romantic.

Сергей Патрушев

Отношения. Вкус пепла

Сергей Патрушев
Отношения. Вкус пепла

«Автор»

2026

Патрушев С.

Отношения. Вкус пепла / С. Патрушев — «Автор», 2026

Эта книга — не история любви. Это история её медленного, мучительного угасания, рассказанная с той беспощадной честностью, на которую способны только те, кто стоял на краю и заглядывал в пропасть. Саша и Аня прожили вместе пять лет. Достаточно, чтобы выучить привычки друг друга наизусть, но недостаточно, чтобы понять, в какой момент они стали чужими. Они сидят за одним столом, пьют один кофе, дышат одним воздухом — и не слышат друг друга. Он уверен, что любовь измеряется стабильностью и оплаченными счетами. Она задыхается без слов, прикосновений, без того невидимого тепла, которое когда-то грело их общий дом. И однажды вечером тишина взрывается. Это роман-диалог, роман-исповедь, где каждое слово — то ли попытка спасти, то ли удар на поражение. Четыре главы, четыре витка конфликта, от тихого отчаяния до яростного крика и звона разбитого стекла. Это путешествие по самому дну близости, где любовь и ненависть сплетаются так тесно, что их уже не различить.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Сергей Патрушев

Отношения. Вкус пепла

Глава первая. Вкус пепла

Я смотрел на неё сквозь запотевшее стекло бокала, в котором янтарным глазом дрожал последний глоток виски, и думал о том, что мы умираем. Прямо здесь, за этим столом, застеленным льняной скатертью, которую она выбирала три часа в каком-то бутике, куда я не хотел ехать. Мы умирали, и это было заметно по тому, как она крошила хлеб. Не резала, не ломала, а именно крошила, нервно, мелкими движениями пальцев, скатывая из мякиша серые шарики и выстраивая их в неровную линию вдоль края тарелки, словно возводила баррикаду. Я знал этот жест. Он появлялся всегда, когда внутри неё закипал вулкан, готовый излиться лавой упрёков, но пока лишь выплёвывающий пепел в виде этих хлебных катышков. Тишина между нами была не пустотой, а третьим собеседником, наглым и бесцеремонным, который уселся прямо посередине стола, расставив локти, и дышал нам в лица перегаром невысказанных обид.

Свет от лампы под старым тканевым абажуром падал конусом в центр стола, оставляя наши лица в полумраке, и это было символично. Мы прятались. Мы всегда прятались. Я делал вид, что изучаю этикетку на бутылке, хотя знал её наизусть, она делала вид, что увлечена разрушением хлебобулочного изделия. Но воздух в комнате был так густо настоян на взаимном раздражении и недосказанности, что его можно было резать ножом, тем самым, который лежал рядом с моей рукой, холодный и равнодушный. Я поднял бокал, сделал глоток, и жидкость обожгла горло, но не согрела. Она скользнула внутрь ледяной змеей, сворачиваясь кольцами где-то в желудке. "Ну давай," — подумал я, глядя, как она поднимает глаза. Серые, сейчас почти стальные от сдерживаемых слёз, которые она не позволит себе пролить, пока не победит в этом раунде.

— Значит, ты так и будешь сидеть? — её голос прозвучал глухо, словно из-под толщи воды. Она перестала крошить хлеб и теперь просто смотрела на меня, и в этом взгляде читался не вопрос, а приговор. Я откинулся на спинку стула, и тот предательски скрипнул, разрушив идеальную тишину, словно выстрел стартового пистолета.

— А что ты хочешь, чтобы я сделал? — я старался, чтобы мой голос звучал спокойно, даже устало, но внутри всё дрожало мелкой, противной дрожью. — Пустился в пляс? Или, может, встал на колени? Ты какую именно реакцию ждешь от своего монолога, который ещё даже не начался?

Она резко выдохнула, как выдыхает воздух ныряльщик, вынырнувший с глубины, и её ладони плашмя легли на стол, чуть не опрокинув мой бокал. Я успел перехватить его раньше, инстинктивно, и этот жест, быстрый и точный, показался ей, наверное, символом того, что виски мне дороже неё. Это было не так, но каждый наш жест теперь толковался превратно. Мы стали экспертами по двойным смыслам.

— Монолога? — она усмехнулась, и усмешка эта была невеселой, горькой, как полынная настойка. — Ты называешь это монологом? Я пытаюсь до тебя достучаться уже четвертый вечер подряд, но ты, видимо, глух к частотам, на которых я говорю. Ты слышишь только себя. Свой внутренний голос, который, уверена, поёт тебе дифирамбы о том, какой ты, несчастный, страдалец, вынужденный терпеть истеричную бабу.

— Аня, — я впервые за долгое время произнес её имя, и оно царапнуло горло, как кусок наждачной бумаги. — Я не считаю тебя истеричной. Я просто не понимаю, что происходит. Мы сидим, ужинаем, в доме тепло, у нас есть еда, работа, в конце концов. Чего тебе не хватает? Какого-то мифического внимания, о котором пишут в твоих дурацких женских журналах? Скажи конкретно: что я делаю не так? Я же не экстрасенс, я не умею читать мысли.

— Конкретно? — она выпрямилась, и свет лампы наконец упал на её лицо, делая его резким, почти скульптурным. Я увидел морщинки в уголках глаз, которых, казалось, не было ещё месяц назад, и бледность, проступающую сквозь лёгкий загар. — Конкретно — это то, что тебя нет. Физически ты здесь, сидишь напротив, пьешь свой неизменный виски, но всё остальное — где-то далеко. Ты не смотришь на меня, когда я говорю. Ты смотришь сквозь. Ты не слышишь, о чём я рассказываю за завтраком. Я могу сказать, что видела летающего слона в окне, а ты кивнешь и скажешь "угу". Тебе не интересно, жива я или уже превратилась в предмет интерьера, вроде этого дурацкого серванта, который ты ненавидишь!

Последние слова она почти выкрикнула, и они повисли в воздухе, вибрируя. Сервант. Старый, громоздкий, доставшийся нам от её бабушки. Я действительно его ненавидел, но никогда не говорил этого вслух, считая, что моя молчаливая жертва — доказательство любви. А она, оказывается, всё знала. Каждая моя невысказанная мысль была для неё открытой книгой, написанной крупным шрифтом. Это пугало. Выходит, вся моя сложная система защиты, маска спокойствия и усталой мудрости, для неё — просто прозрачное стекло, за которым видна вся неприглядная механика.

— Это неправда, — сказал я, но мой голос прозвучал фальшиво даже для моих собственных ушей. — Ты не предмет интерьера. Ты... — я запнулся, подыскивая нужное слово, как шарил рукой в темноте. — Ты очень важная часть моей жизни.

— Часть жизни? — она расхохоталась, и в этом смехе не было радости, только звон разбивающегося фарфора. — Как диван? Как телевизор? «Дорогая, ты важная часть моего комфорта»? Господи, ты себя-то слышишь? Ты даже сейчас, когда я кричу тебе о том, что задыхаюсь, не можешь выдавить из себя ничего человеческого! Ты общаешься со мной, как на собеседовании. Взвешенно, политкорректно, стараясь не обидеть HR-менеджера, который решает твою судьбу.

Я почувствовал, как внутри поднимается горячая волна гнева, смывая ледяное спокойствие, за которое я так держался. Она била точно в цель, в самые болевые точки, била наотмашь, не жалея. Но я не хотел этой войны. Я хотел другого. Я хотел, чтобы она улыбнулась, чтобы протянула руку и погладила меня по щеке, как раньше. Но вместо этого я сделал ещё глоток виски. Это был жест самозащиты, но он выглядел как плевок в душу.

— Что ты хочешь от меня услышать, Ань? Что я — конченный мудака? Что я эгоист? Хорошо, я скажу. Я — мудака и эгоист. Тебе легче? — я рубанул воздух ладонью, и нож, лежащий на столе, подпрыгнул и звякнул о тарелку. — Тебе станет легче, если я публично признаю все грехи и посыплю голову пеплом? В чём моя вина? В том, что я много работаю? Да, я устаю. Да, я прихожу домой выжатый как лимон, и у меня нет сил на разговоры о том, какая Ирка из твоего отдела дура. Я хочу тишины. Я хочу покоя. Я вкалываю как проклятый, чтобы у нас была эта квартира, эта еда, этот, мать его, виски! И я не понимаю, почему потребность в отдыхе приравнивается к отсутствию любви!

Я замолчал, тяжело дыша. Слова вырвались грубым, рваным потоком, и теперь я жалел о каждом из них. Потому что она не закричала в ответ. Она, наоборот, затихла. Её плечи опустились, и она стала какой-то меньше ростом. Лучший боец замолчал, опустив руки, и это был самый страшный знак. Она смотрела на меня уже без гнева, а с какой-то тоскливой, вселенской обречённостью, от которой у меня захолонуло сердце.

— В этом всё и дело, Саша, — сказала она почти шёпотом. — Ты отождествляешь еду и квартиру с любовью. Ты приносишь зарплату и считаешь свою миссию выполненной. Как первобытный охотник, который бросил тушу мамонта к ногам своей женщины и пошёл спать в угол пещеры, уверенный, что он — герой. Но мне не нужен мамонт. Мне нужен мужчина, который сядет рядом и спросит, не болит ли у меня голова. Не потому, что у меня мигрень и я не могу приготовить ужин, а просто потому, что ему интересно, как я себя чувствую. Ты понимаешь разницу? Я устала быть функцией. Я устала быть твоим «проектом». Ты ведь меня даже не целуешь, когда уходишь на работу. Ты просто кричишь «я ушёл» из прихожей. Я для тебя — решённая задача. Ты завоевал меня пять лет назад, поставил галочку и убрал папку с моим именем в долгий ящик.

Каждое её слово падало тяжелой каплей расплавленного свинца прямо мне на сердце, прожигая в нём дыры. И самое ужасное было в том, что она была права. Стопроцентно права. Я вспомнил сегодняшнее утро. Я действительно уходил, натягивая куртку и крича в пустоту коридора «я ушёл», даже не заглянув на кухню, где она пила свой утренний кофе. Я делал так годами. Это стало ритуалом. Я не видел в этом ничего страшного. Я думал, это нормально. Это удобно. Ей удобно, мне удобно.

— Ты преувеличиваешь, — сказал я, но уже без напора, скорее по инерции защищаясь. — Я просто забываю. Я задумываюсь о делах. Утром я плохо соображаю.

— Ты забываешь! — она всплеснула руками, и в её глазах снова вспыхнули искры, но теперь это был огонь отчаяния, а не злости. — Ты забываешь обо мне, ты не помнишь, что я говорила вчера, ты не знаешь, какого цвета мои глаза, когда я просыпаюсь, ты не в курсе, что я уже полгода не ем глютен, потому что у меня началась жуткая аллергия, но тебе плевать, что лежит у тебя в тарелке! Ты спрашивал, что ты делаешь не так? Ты не любишь меня, Саша. Вот что ты делаешь не так. Ты, может быть, любишь свои воспоминания обо мне, любишь ту картинку, которая стоит у тебя в телефоне на заставке, но живую, настоящую меня, которая сейчас крошит хлеб и готова разрыдаться от бессилия, ты не любишь. Ты терпишь.

Она заплакала. Беззвучно, некрасиво, просто по её щекам потекли слёзы, быстрые и обильные, оставляя мокрые дорожки. Она не всхлипывала, не прятала лицо, она просто сидела и смотрела на меня сквозь эту водяную завесу, абсолютно открытая и незащищенная. И в этот момент я понял, что теряю её. Не когда-то в будущем, не абстрактно, а прямо сейчас, в эту секунду. Она сидит на расстоянии вытянутой руки, но между нами уже разверзлась пропасть, и я сам её вырыл своим равнодушием, замаскированным под заботу о «нашем благе».

Я вскочил со стула. Ножки снова проскрежетали по паркету, издав звук, похожий на крик раненой птицы. Я обошел стол, ощущая дрожь в коленях. Мне нужно было дотронуться до неё, чтобы проверить, не стала ли она призраком. Я протянул руку и коснулся её плеча. Оно было напряжённым и горячим. Она не сбросила мою руку, но и не ответила на прикосновение. Она замерла, как птица в силках.

— Анечка, — прошептал я, опускаясь перед ней на корточки. Так я мог заглянуть в её лицо снизу вверх. Так я чувствовал себя молящим. — Прости меня. Я идиот. Я слепой идиот. Я правда думал, что всё хорошо. Я мерил всё по себе. Мне казалось, если мы не ссоримся, если в доме мир, значит, всё в порядке. Я боялся твоих истерик, боялся конфликтов и делал всё, чтобы их избежать, а оказывается, убивал в тебе жизнь.

Она перевела взгляд на меня. В её мокрых глазах отражался свет лампы, и казалось, что внутри неё горит какой-то свой, особенный огонь.

— Ты боялся конфликтов, — медленно повторила она, как будто пробуя мои слова на вкус. — И поэтому ты просто выключал звук, когда я начинала говорить о том, что меня волнует? Ты уходил в свою раковину, в свой компьютер, в свой виски? Ты называешь это миром? Это не мир, Саша. Это кладбище. Тихое, спокойное кладбище, где под каждым кустом — могила невысказанной обиды. Мы не живём, мы поддерживаем порядок на погосте. Мы уже сто раз должны были орать друг на друга, бить посуду, выдирать друг другу волосы, чтобы докричаться до истины, но мы оба трусливо изображали интеллигентов.

— Я не хочу с тобой орать, — я погладил её по руке, и она позволила мне взять её ледяные пальцы в свои. — Я хочу с тобой жить. Но я разучился. Я превратился в функцию, ты права. Работа-дом-сон. Я перестал видеть тебя. Нет, не так. Я смотрел на тебя, но видел лишь отражение своих ожиданий. Мне казалось, если ты сидишь дома и грустишь, это плохо. А если ты сидишь дома и улыбаешься, это хорошо. Я не вникал в оттенки твоей грусти. Я просто хотел, чтобы ты улыбалась, и искренне верил, что отсутствие плохих новостей — это счастье. Я откупался от тебя бытовыми мелочами, как язычник от злого духа, принося жертву — чек из супермаркета.

Она горько усмехнулась и вытащила свою руку из моей ладони, чтобы вытереть слезы. Но это было не отстранение. Это был просто жест. Ей было мокро и неудобно.

— Знаешь, что самое страшное, Саш? — спросила она, глядя на размокшие хлебные шарики на скатерти. — Что я стала забывать, за что тебя полюбила. Seriously. Я пытаюсь вспомнить, и не могу. Я помню факты: мы познакомились в кинотеатре, ты рассмешил меня, читал стихи на набережной, сломал каблук на моей туфле и нёс меня на руках до такси. Я помню события, как хронику. Но я не чувствую их. Эмоции стерлись. Я смотрю на тебя сейчас, на то, как ты сидишь на корточках, испуганный, с красными глазами, и я не понимаю: где тот парень? Куда ты его спрятал? Или это я его убила?

— Нет! — почти выкрикнул я, и мой голос сорвался. — Это я его убил. Лению. Привычкой. Я думал, что раз мы вместе, то так будет всегда по умолчанию. Что любовь — это такой вечный двигатель, которому не нужно топливо. Я забыл, что ты — живая. Что тебе нужно топливо. Внимание, слова, прикосновения. Я дарил тебе их только по праздникам, как премию. Я оправдывал себя усталостью, но это была ложь. Я не уставал для тебя. Я экономил на тебе силы, чтобы потратить их на дурацкие совещания и пустые разговоры с коллегами.

Я говорил, и говорил, и не мог остановиться. Меня прорвало. Вся та скупая, мужская, спрессованная в угольный пласт нежность, которую я прятал годами, сейчас рвалась наружу, обжигая горло. Я рассказывал ей, как смотрю на неё спящую и боюсь разбудить, чтобы она не спросила меня о чём-то, на что у меня нет ответа. Я признавался, что завидую её умению

чувствовать так глубоко и боюсь этой глубины, потому что сам давно привык плавать на мелководье. Я говорил ей о том, что люблю её голос, но заставлял её молчать, потому что боялся услышать в нём упрёк. Я вываливал перед ней всю свою подноготную, грязную, трусливую, жалкую.

Я рассказал ей про сервант. Про то, как мечтаю вынести его на помойку, но терплю, потому что это память о её бабушке, и как меня бесит вид этих резных завитушек. Она слушала меня молча, и в её глазах постепенно высыхали слезы, сменяясь каким-то сложным, непонятным мне выражением. Это не было прощением. Это было исследованием. Она как будто видела меня впервые — не парадный портрет, а черновой набросок углём, с нервными линиями и смазанными тенями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.